

государственного суверенитета транснациональному капиталу необходимо закрепить в обществе неолиберальный дискурс как универсальный. Массовая культура открывает огромные возможности для воздействия на обыденное сознание и тем самым на формирование определенных ценностных ориентаций в экономике и моделей поведения в политике. Она создает фальшивую политическую действительность, что позволяет транснациональному капиталу получить массовое согласие «на моральное право господствовать» [3, с. 47].

Массовая культура потребления – это культура быстрого неразборчивого потребления. Она навязывает страх не успеть прожить жизнь и остаться неудачниками. Это настроение транслируется и на политическое пространство, где быстрые неразборчивые реформы сродни товарам. Повторяющийся дискурс «кризиса», «борьбы за инвестиции» и «места в мировой торговле» приводят к спешности, а, следовательно, непродуманности реформ. В идеале навязанный неолиберальный дискурс должен привести к публичной критике властей за недостаточное включение страны в мировой капиталистический порядок. Государство должно попасть в «ловушку демократии», выполнять требования населения и еще больше усугублять экономическую ситуацию, подвергаясь критике и требованиям дальнейших реформ.

Таким образом, роль массового потребления в культуре и политике разнится. Сближая человечество и делая его терпимым, массовая культура потребление превращается и в механизм глобального воспроизводства капитализма и неолиберального империализма. Вместе с тем не следует так однозначно оценивать роль массовой культуры в политике. Массовая культура как технология возможна и эффективна для трансляции иных норм политического участия и ценностей политического поведения. Решающую роль в такой позитивной трансформации массовой культуры может сыграть привлечение критического потенциала в общественный дискурс.

Литература и источники

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака. – М., 2007.
3. Валлерстайн, И. Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис. – 2008. – № 2. – С. 3–56.

АКСИОСФЕРА РУССКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Монина Н. П. (Омск, Россия)

Сегодняшняя ситуация «столкновения цивилизаций» по-новому актуализирует извечную философско-культурологическую проблематику соотношения Востока и Запада, с одним лишь уточнением – не столько

Востока в целом, сколько России и Запада. Современное противостояние России и «всего цивилизованного мира» подается как борьба культуры, цивилизации и варварства. Но насколько верно такой подход отражает реальные события? И так ли уж цивилизован Запад и варваризирована Россия?

Сразу оговоримся, что в контексте данной работы под Западом мы понимаем, в первую очередь, западноевропейскую и североамериканскую цивилизации. Западная цивилизация, зародившаяся в эпоху античности, в качестве базовых, фундаментальных оснований своей идентичности опирается на греческую философию, римское право и христианство, причем христианство, трактуемое сначала в католико-схоластическом, а затем в протестантском ключе.

Фундаментальные основания западной цивилизации, появившиеся в определенном порядке (греческая философия – римское право – христианство) создают и формируют матрицу ее культуры и менталитет народов, входящих в этот культурно-цивилизационный ареал, а, следовательно, геополитические амбиции и устремления.

Изначальный рационализм и атомизм древнегреческой философской мысли вкупе с римским частным правом (относящимся к «выгоде отдельных лиц» – по определению Доминиция Ульпиана), не мог не отразиться в понимании и трактовке христианства. Еще задолго до великого разделения церквей, свершившегося в 1054 году, в недрах единого на тот момент христианства довольно явно проявлялись региональные различия, обусловленные менталитетом различных народов, особенностями исторического и культурного развития. Сугубо научный, рационализированный и антропоцентричный подход к религии формирует вначале католичество в его идее *Filioque* («и Сына») – добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры, принятое Западной (Римской) церковью в XI веке в догмате о Троице: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога Сына. «Это все более смещает акцент в восприятии Христа-Богочеловека от Сына Божия к земной его ипостаси. Земная жизнь Христа стала важнее его воскрешения» [1, с. 211]. Это дополняется догматом о папской непогрешимости, а затем, в процессе Реформации формируется и протестантизм как самое рациональное и самое светское религиозное направление.

История западной цивилизации – это история активного освоения, а затем и завоевания мира, начиная с эпохи великих географических открытий, колониальной экспансии, в результате которой были созданы колониальные империи, заканчивая сегодняшней попыткой насаждения демократии во всех концах света и стремлением к глобальному доминированию.

Фундамент русского культурного и цивилизационного типа составляют такие базисные основания, как православие, русская литература и евразийство. Отечественная культура, берущая свое начало в православном вероисповедании, сформировала иной, отличный от западного, тип культуры и мировоззрения. Именно религия оформила цивилизационное единство Руси

и России. По словам митрополита Иоанна, «в конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ, в течение шести веков (с X по XII) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствовании Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении» (цит. по [2, с. 124]). Достаточно важным является тот факт, что Русь приняла христианство не от Рима, как большинство европейских государств, а от Византии, бывшей в тот период времени культурной и цивилизационной столицей, что безусловно, наложило определенный отпечаток на тип культуры, и, одновременно, противопоставило Русь Европе. Это противостояние в дальнейшем все более явно отделяло русскую цивилизацию от Запада.

Именно христианское мировоззрение оформило богатейший пласт отечественной культуры, нашедший наиболее яркое отражение в русской литературе. Можно сказать, что русская культура литературоцентрична. Наша литература и есть философия жизни русского народа. А потому именно в ней отражаются существенные различия мировосприятия. Неслучайно австрийский писатель Стефан Цвейг, сравнивая мировоззренческую составляющую западной и русской литератур, отмечал, что у героев Диккенса цель всех стремлений – миловидный коттедж на лоне природы с веселой толпой детей; у героев Бальзака – замок с титулом пэра и миллионы. Люди в Европе хотят быть счастливыми, богатыми, довольными и могущественными. Русская же литература – это извечный поиск смысла жизни для человека, поиск правильного пути для общества, всесторонне исследование жизни, она ставит вечные проблемы человеческого существования, философские вопросы.

Евразийская грань отечественного мировоззрения, сформированная самим географическим положением страны, ее историческим развитием, выражающимся в извечном противоборстве Востока и Запада, подпитанная православным мессианизмом, вызвала к жизни определенные ценностные основания бытия русского народа. «Россия, являясь своеобразным связующим звеном между Европой и Азией, выполняла важную геостратегическую роль, связанную с поддержанием мирового равновесия» [3, с. 59]. Россия осознает себя скорее, как незримый центр, как «нечто неосязаемое, полное отрицание земной империи» [1, с. 78]. Провозглашение Москвы третьим Римом произошло не из гордости или желания декларировать свои амбиции, но «было формой, с помощью которой она демонстрировала свою верность эпохе первоначального христианства и вселенских Соборов, когда сохранялось единство христианского мира, а также пыталась осознать свое место в мировой истории, положение Москвы в ряду мировых священных центров и церковных престолов после катастрофы 1453 года» [3, с. 12].

Отсюда столь актуальная и на сегодняшний день идея ответственности за судьбы мира (русский мессианизм). Здесь же берет свое основание и политика гармоничного сожительства в рамках многонационального

русского государства.

Таким образом, перед нами два варианта развития цивилизации, два варианта ответа на вызовы истории. Один, представленный Западом, сегодня явно зашел в тупик, второй, предложенный Россией, имеет определенные перспективы и в мировой политике, и в мировой культуре.

Становится очевидным, что аксиосфера западной культуры, ориентированная на земной, материальный пласт бытия, рациональный способ познания и освоения действительности, не способна решать глобальные задачи, стоящие перед человечеством в начале XXI века. С другой стороны, ориентация на духовные ценности, попытка выстроить отношения с другими странами на принципах равенства, взгляд на мир как на «единство в многообразии», позволяет решать актуальные цивилизационные задачи.

Нам видится, что единственный способ сохранения единой человеческой цивилизации сегодня – это объединение усилий мирового сообщества, в лице, в первую очередь, стран западного и евразийского миров на принципах сотрудничества и культурного взаимодействия.

Литература и источники

1. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2003.
2. Трофимов, В.К. Менталитет русской нации. – Ижевск, 2004.
3. Моница, Н.П. Русский культурный архетип. – Омск, 2011.
4. Синицина, Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – М., 1998.

ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ РЕПРОДУКТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТГУМАНИЗМА*

Новицкая Т. Е. (Минск, Беларусь)

В рамках постгуманизма как философского направления, которое связывает дальнейшее развитие человека с возможностями его радикального рационального технологического преобразования, сформировалось течение постгендеризма. Последнее представляет собой политическое и социально-культурное движение, приверженцы которого выступают за добровольное преодоление пола человека посредством применения биомедицинских и вспомогательных репродуктивных технологий. Они утверждают, что технологии способны разрушить биологические, психологические и социальные функции пола, и рассматривают уничтожение бинарности пола как освободительную интенцию. С их точки зрения [1], гендер представляет собой ограничение человеческого потенциала (как социального, так и биологического). Постгендеристы возлагают надежды на ликвидацию

* Работа подготовлена при поддержке БРФФИ, грант № Г15Р–030 от 04.05.2015 г.